

УДК 371

СОВЕСТЬ НЕ ИМЕЕТ АТТЕСТАТА

Марк Максимович Поташник,
*профессор, действительный член (академик)
Российской академии образования,
доктор педагогических наук, Москва*

Предлагаемая статья не носит целостного, системного характера. Это скорее напоминание о явлении, которое мы заметили в школьной практике, — исчезновение из арсенала работы педагогов с детьми слова «совесть». Наша задача — побудить читателей к размышлению о том, как вернуть такую важную ценность, какой является совесть, в содержание воспитания и развития учащихся и тем самым хоть в какой-то мере возродить в школе духовное развитие и воспитание школьников.

• человек • воспитание • совесть

Причиной, побудившей меня взяться за эту статью, стало письмо директора Пировской средней школы Красноярского края Татьяны Васильевны Залевской:

«В институте преподаватель философии спросила как-то у нашей группы: «О чём должен спрашивать вас родитель в первую очередь?»»

Все наши ответы-предположения об отметках, поведении, конфликтах оказались, по мнению преподавателя, неверными. Мы сдались и попросили назвать верный ответ. Она сказала, что в первую очередь родитель должен спросить, хорошим ли человеком растёт его ребёнок, есть ли у него совесть.

Прошло 11 лет, как я работаю учителем и теперь директором. За это время *ни один родитель не обратился с таким вопросом ко мне*».

Массовые явления в расчеловечивании — это не единичные факты

Мы абсолютно уверены в том, что, прочитав заголовок статьи, большинство читателей подумает: «Ну вот — ещё один материал, где будут обвинять только школу, а то, сколько образованных, хороших людей ежегодно мы выпускаем, об этом умолчат. Наверняка это — ещё одна несправедливая статья». Кто-то скажет, будто отдельные частные факты гипертрофированы, что научно неграмотно. Поэтому мы и решили начать материал не с отдельных, редких, случайных фактов, а с массовых явлений полной утраты совести.

Я познакомил с письмом Т.В. Залевской большое число наших респондентов — директоров школ, и, что было ожидаемо, они подтвердили, что и в их практике тоже не было даже отдельного случая, чтобы кто-то из родителей задал вопрос: «Порядочным ли человеком растёт его ребёнок?» Согласитесь, это не отдельный факт, а массовое явление, и оно странно (необъяснимо), требует ответа «Почему это произошло?» Вина не столько школы, а родителей тут как бы очевидна.

Кроме этого, напомним, что качество школьного образования, какие бы сложные и разные критерии ни использовались в практике разных регионов, главным фактором оценивания работы учителей (школы) были и остаются результаты итоговой государственной аттестации, то есть, попросту говоря, результаты ОГЭ-ЕГЭ.

Мне не хотелось так упрощённо рассматривать вопрос, и я спрашивал, занималась ли школа воспитанием и развитием детей. Ответ, как уже понял читатель, получали в ви-

де огромного перечня прежде всего внеурочных мероприятий.

Все эти разговоры, вопросы, обсуждения моментально заканчивались, как только напоминали, что *истинные результаты* обучения, воспитания и развития детей (за которые ответственны родители (семья), школа, социум, где живут дети) *могут быть только отдалёнными* (как говорят, отсроченными во времени). А поскольку школы изучением этих результатов не занимаются, то дискуссия тут же прекращалась, ибо не согласиться с этим было невозможно.

Итак, почему же родители (те, кто посещает школу, встречается с учителями и руководителями) никогда не спрашивают, каким человеком растёт их ребёнок: хорошим, порядочным, благородным, честным, совестливым или иным?

Дадим один из самых очевидных ответов: родители любят детей и потому они изначально, без аргументов считают их только хорошими людьми. Для них это аксиоматично. Есть, конечно, и другие причины, но сейчас важны аргументы, чтобы мотивировать педагогов, дабы они побудили родителей задуматься над проблемой, какими людьми растут их дети. Речь опять же пойдёт только о массовых фактах (явлениях).

Итак, напомним, сколько десятков тысяч людей и только по решению судов платят алименты родителям на сносное существование в старости.

Напомним, сколько сотен тысяч беспомощных и одиноких (это при живых детях) стариков отправлены в дома престарелых, инвалидов, хосписы. Чтобы до сердца проникнуться бессовестностью этого массового факта, предлагаю читателям набрать в поисковике: «Ярослав Евдокимов «Тихая пристань» — и прослушать песню в исполнении известного артиста, *вникнув в её трагическое содержание*.

Ещё факт, назовём его кратко «феномен Сергея Мавроди». Обладая феноменальной памятью, очень хорошо учился в школе, окончил авторитетный вуз, имея недюжинный интеллект и очень хорошие математические знания, создал так называемую финансовую пирамиду и с помощью мошеннической схемы обокрал сотни тысяч доверчивых (кстати, и плохо образованных) людей. Этот факт нельзя рассматривать как частный, единичный, поскольку мошенникам, с помощью разных ухищрений обманывающим людей (особенно стариков), и сейчас несть числа.

Ещё один аспект. Напомним родителям, сколько тысяч бессовестных матерей не просто отказываются забирать детей из роддомов, а выбрасывают новорождённых в мусорные баки, сточные канавы. Напомню, сколько миллионов бессовестных мужчин отказываются платить алименты детям.

Пока рассмотрели качество воспитанности только в отношениях родителей и детей, и вина семьи в расчеловечивании здесь очевидна.

Монетизация совести некоторых педагогов

Прежде всего, признаем, что основная масса школьных учителей и раньше, и сейчас — это люди с совестью, а многие — с обострённым чувством совести и в профессиональном, и в общечеловеческом аспекте. *И не о них в этом разделе речь.*

Но все мы помним пословицу «В семье не без урода». И сколько бы ни обижались совестливые педагоги, общество никогда не простит так называемых уродов в учительской профессии.

Монетизация их совести в метафорическом смысле означает продажу, измену, предательство, иудин грех. Коротко говоря: отсутствие совести, бессовестность.

Назовём несколько общеизвестных неединичных фактов:

- вбрасывание бюллетеней членами участковых избирательных комиссий из числа педагогов,

что зафиксировали видеокамеры по всей стране, и наступала уголовная ответственность этих «воспитателей» за преступления;

- запрещённая законом «помощь» учителей во время государственной итоговой аттестации (тоже преступление);
- противоправная замена уроков направлением детей (целыми классами) в качестве статистов на митинги и другие массовые акции общественных организаций; разумеется, по устному распоряжению администрации школы, но без малейшего сопротивления этому незаконному распоряжению (административное правонарушение) и последующее заполнение журнала о якобы проведении уроков с получением зарплаты.

Все это видят, знают — и родители, и дети, и коллеги-учителя, и СМИ, и, конечно же, эти преступления становятся чёрной меткой, грязной кляксой на белом платье невесты (которое должно быть безупречным) и тем самым порочат безупречную репутацию огромной армии российского учительства.

Ещё факт. СМИ постоянно сообщают о чиновниках (и не только), привлечённых к уголовной ответственности за взятки, коррупцию. Все эти люди имели среднее и высшее образование (многими гордилась школа, которая их выпустила), они воспитывались родителями и школой. И более десяти тысяч уроков и сотни классных часов за одиннадцать школьных лет совсем сбросить со счетов, ну, никак не удастся.

Конечно, на этом фоне безразличности негативные отношения учеников и учителей кажутся невинными. Мы не рассматриваем крайние случаи: драки, грубость, оскорбления, хамство, неподчинение. Казалось бы, естественным (нормальным) должна быть благодарность выпускников учителям после окончания школы. Однако вспомним,

кто в прежние годы, в этом году поздравил классного руководителя с его профессиональным праздником — Днём учителя. Вспомним и посчитаем, сколько процентов эти воспитаннные, благодарные составляют от общего числа выпускников каждого года. Речь идёт не о малых детях, а об уже совершеннолетних, окончивших школу, вуз, имеющих детей.

Теперь обратимся к памяти тех педагогов и директоров школ, кто нервно относится к неположительным оценкам их работы. На кого списать двадцать две колонии для малолетних преступников, которые совершили уголовные преступления, но не попали в тюрьмы и получили срок не более трёх лет только потому, что не достигли возраста полной уголовной ответственности?

Конечно же, почти во всех случаях причина возникает в семье, но ребёнок же ещё и ученик конкретной школы, конкретных учителей, и тут именно от них многое зависит: они могут проявить внимание, вникнуть в личную драму ученика, *помочь* ему не опуститься, не потерять статус ученика школы, не совершить преступления; а могут остаться безразличными к семейной проблеме ребёнка, а то и подтолкнуть его к совершению преступления (например, выдавив его из школы за прогулы, невыполнение домашних заданий, плохое поведение).

Я специально изучал этот вопрос на опыте Раифской детской колонии и результаты опубликовал (см. журнал «Народное образование». — 2018. — № 6—7. — С. 183, «Остров мерцающей надежды»). Во всех случаях проблемы будущего малолетнего преступника действительно начинались в семье, но во всех случаях школа не спасала ребёнка от тюрьмы, а только усугубляла ситуацию, и именно она направляла дело в суд, даже не пытаясь помочь ребёнку.

Полагаю, массовых фактов предостаточно. Чтобы продуктивно анализировать вместе с руководителями школ ситуацию, я искал какое-то обобщение, но обязательно существ-

венное качество, с помощью которого можно было бы судить о том, как семья и школа воспитывают детей. В результате обсуждения выяснилось, что таким интегративным показателем качества воспитанности является совесть. Все негативные массовые факты (явления) совершены людьми, которые учились в школах (и многие в вузах), где обрели образование при полном отсутствии совести. Проблема, однако!

В поисках опоры

Нетрудно заметить, что в попытках постижения сути совести, источников её происхождения люди часто обращаются к священнослужителям или сами ищут ответы на вопросы в Библии. Причём это могут быть и как глубоко верующие люди, и те, кто занят богоискательством, и «верующие» на уровне обрядоверования, воцерковленные и невоцерковленные, неверующие и даже воинствующие атеисты.

Полагаем, этот источник в поисках опоры полезен для всех. Приведём фрагмент из письма очень образованного священника: «Порой говорят: «Совесть — это и есть Бог». Говорят по двум причинам: а) одни считают, что совесть действительно есть Бог; б) другие же — просто сокращают формулу «Совесть есть голос Божий в человеке». Корень слова совесть — «весть», «со» — приставка, обозначающая единство. Весть от Бога через ангела (ангел переводится как вестник). Единение с вестью от Бога даёт работу душе.

По Аристотелю — это делиберация, то есть рассуждение с целью избрания лучшего пути. Греческое слово «сунестисис» (греч.) отличает совесть от стыда. Стыд уже после поступка, совесть до поступка. Именно «сунестисис» (совесть) вводит человека в стыд после свершения несправедного поступка. В этом случае совесть есть инструмент взаимодействия человека с миром.

Совесть очень тонкая категория — её метками не оценить и *в аттестат*

не занести. Дать определение совести, чтобы ничего не упустить, на мой взгляд, почти невозможно. Однако можно найти тот стержень, на чём будет держаться совесть или тот ствол дерева, на котором будет расцветать совесть. Скорее всего — это Любовь».

Другим источником, могущим помочь разобраться в том, что такое совесть, может стать поэзия (стихи мудрых поэтов). Например, Фазиль Искандер «Совесть»:

*Дарвина великие старанья,
Эволюции всемирная волна.
Если жизнь — борьба за выживание,
Совесть абсолютно не нужна.
...
Говорить, конечно, можно много,
Многое понятно между строк.
Совесть есть, друзья, реальность Бога,
И реальность совести есть Бог.*

Об этом же сильнейшее стихотворение Евгения Евтушенко «Дай Бог», производящее огромное впечатление как при самостоятельном прочтении, так и в песенном исполнении А. Малинина.

В художественной литературе есть замечательная сказка М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть», которая может быть не только прочитана, изучена, но и инсценирована.

Наконец, источник опоры в поисках совести — сама жизнь, благородные поступки людей, которые мы нередко не фиксируем в памяти, воспринимаем как обычное, должное или, увы, с иронией.

Есть немало известных людей, кто никогда не заявлял о вере в Бога (скорее, наоборот), но они были с обострённым чувством совести (А.Д. Сахаров, В.Т. Шаламов, В.С. Гроссман, В.Л. Гинзбург, Ж.И. Алфёров, О.Н. Смолин).

К чему приводит искажение понятия

Великий французский математик, физик и философ, основатель европейской науки Нового времени Рене Декарт предупреждал: «Люди, точнее определяйте значения слов. Этим вы избавите человечество от большей части его заблуждений».

Аттестат об окончании средней общеобразовательной школы введён в России в 1878 году, имел в названии незначительные вариации, но в 1944 году стал называться аттестатом зрелости, что было весьма положительно. В 1962 году его снова переименовали в аттестат о среднем общем образовании. Казалось бы, невелика разница, и дело не в том, как назвать выпускной документ школы. Жизнь показала, что это ошибка, и она существенно повлияла на содержание и результаты работы школы. Совершенно очевидно, что название выпускного документа «аттестат об общем среднем образовании» и «аттестат зрелости» — это, как говорят, две большие разницы. Первый сейчас предполагает только отметки (баллы по результатам ВПР, ОГЭ, ЕГЭ) знаний, умений, навыков, компетенций. Оценка степени развитости, нравственной и прочей воспитанности, а уж тем более наличие совести даже не просматривается, и нужно обладать чрезмерной фантазией, чтобы думать иначе.

Другое дело, если бы документ назывался, как раньше, «аттестат зрелости». Зрелость предполагает взрослость, развитость разных сфер личности, готовность быть любящим отцом (матерью), воспитанность, ответственность и, что для нас особенно ценно, *развитое чувство совести*. В аттестате о среднем образовании ни одного из названных качеств не видно, а значит, и задачи их формирования не было. И как бы ни возражали работники образования, нынешний документ отражает (и то достаточно формально) только то, что называется обученностью. А раз даже нет задачи по развитию совести, то не будет её ни в содержании, ни в формах, ни в методах образования.

Тем, кто возражает, напомним обошедший все социальные сети и прочие СМИ факт. В программу А. Гордона «Мужское/женское» была приглашена девушка, хорошо окончившая школу и вуз. Ведущий спросил, какой вуз она

окончила и какую профессию получила? Девушка путалась в ответе на эти простые вопросы и толком сформулировать, кто она по профессии, не смогла. Ведущий спросил, зачем же ей нужно было высшее (а оно всегда профессиональное) образование, если она нигде не работает (живёт за счёт содержащего её обеспеченного мужчины)? На вопрос последовал абсолютно спокойный и убийственный по бессовестности и цинизму ответ: «На мне надето очень дорогое нижнее бельё. Так и образование: его не видно, но с хорошим школьным аттестатом и дипломом вуза, как и в дорогом красивом бельё, чувствуешь себя увереннее».

Можно ли этого человека назвать зрелым, если он занимал чьё-то бюджетное место в школе и вузе, если он демонстрирует полную профессиональную бессовестность? А если бы его профессия давала ей право быть врачом, учителем...?

Не пропускать и фиксировать пробуждение совести школьников

Обсуждая с директорами и учителями тему этой статьи, я просил рассказать, в каком разделе любого документа школы, связанного с воспитательной проблематикой, было употреблено слово «совесть». Мои собеседники и респонденты откровенно признавались в том, что, конечно же, считая совесть огромной ценностью, сам термин (слово) по какой-то неведомой причине полностью исчез из их обихода.

Многие признавали, что совесть тем не менее формируется у детей, но не прямыми, а косвенными средствами, и то, что оно исчезло из лексикона учителей и руководителей, однозначно плохо и немедленно должно быть исправлено.

Далее я попросил всех участников дискуссии привести по одному примеру совестливого поступка ученика (ученицы), показывающего, что при отсутствии специальных занятий о совести (что скорее хорошо, чем плохо),

факты, говорящие о том, что школьники с развитым чувством совести всё-таки есть в каждом классе. Было видно, что люди испытывали огромные затруднения, и никто так и не мог сразу вспомнить факта, поступка, продиктованного именно чувством совести. Разумеется, со временем я получил сообщения о таких фактах. Вот некоторые из них.

Начнём с классики жанра. Поход. Самая юная участница стерла себе ногу, хромала, с огромным трудом несла рюкзак. Мальчик без всякого намека со стороны взрослых взял её рюкзак и понёс его вместе со своим — тяжёлым.

Снова путешествие. Старшеклассники. Нужно преодолеть речку. Натянули два троса: по одному нужно было идти, а за другой держаться рукой. Одна из участниц сорвалась с троса и, держась рукой за другой, беспомощно зависла над бурной рекой, не имея возможности выйти из своего положения, поскольку огромный рюкзак за её спиной тянул вниз, и преодолеть это она самостоятельно не могла. Все растерялись, думая, что делать, с надеждой глядя на взрослых. И вдруг один парень взял туристический нож в зубы, пошёл по раскачивающемуся тросу, отрезал лямки с рюкзака девочки и, страхуя, помог ей перебраться на противоположный берег.

Третий пример. Девочка — старший подросток, разозлившись на учительницу, уличившую мальчика, который нравился девочке, в списывании сочинения и естественно поставившую ему плохую оценку, написала две анонимные записки, где очень оскорбительно высказалась об учителе (мерзкие, грязные эпитеты). Записки пошли гулять по классу и в конце концов оказались в руках педагога.

Учительница не могла наверняка знать автора и подумала (не сказав об этом вслух) не на истинную виновницу, а на того ученика, у которого был учебный конфликт с сочинением. Виновницу, как говорят, ребята не сдавали.

Учитель предложила автору грязной записки самому признаться. Но никто не признался. В классе возникла гнетущая тишина.

После окончания рабочего дня учительницу на улице ждала девочка, на которую педагог и подумать не могла (девочка была из очень интеллигентной семьи). Она призналась в недостойном поступке и попросила прощения, которое тут же и получила. Казалось, ситуация на этом была исчерпана. Но учительница сказала: «Если ты хочешь жить с чистой совестью и лёгким сердцем, то тебе хорошо бы извиниться перед..., которого автором мерзких записок считали и я, и другие потому, что у него случилась неприятная история с сочинением, и многие подумали на него».

Уж не знаю, как и кто повлиял на виновницу скандала, но через пару дней она попросила учителя дать ей слово и публично извинилась перед парнем, которого подозревала и педагог.

Было видно, что это был урок на всю жизнь, и стало ясно, что у девочки вполне созрело чувство совести. Ведь она могла бы выбрать полумеру и даже минимум: подойти к мальчику и по-тихому, один на один сказать ему о признании педагогу. Учительница тоже публично извинилась за то, что плохо подумала о парне.

Из приведённых фактов следует первая рекомендация: мощное средство формирования совести — совестливые поступки школьников, родителей — любых людей. Педагогу важно увидеть, не пропустить, не забыть зафиксировать, озвучить, поддержать, одобрить такие поступки.

Вторая рекомендация — вернуть в проблематику родительских собраний то, что раньше называлось родительским всеобучем. Родителей ведь никто специально не учил семейному воспитанию, никто не раскрывал им такой важный компонент, как воспитание совести у детей. Тут много аспектов, включая и рекомендацию хоть иногда задавать вопросы учителям: «Каким человеком (совестливым, порядочным, благородным) растёт моя дочь (или сын)?»

Третья рекомендация — классным руководителям, библиотекарям создать минимальный список статей, брошюр, книг (два-три наименования), которые можно рекомендовать детям

и(или) родителям для совместного семейного чтения-обсуждения, — материалов, содержащих ситуации по предлагаемой теме (о совести).

И необходимое напоминание: в силу особой деликатности темы тщательно готовиться к таким собраниям родителей, ни при каких условиях публично не называть имён и фамилий. А лучше вообще о совестливости ребёнка говорить индивидуально.

Чтобы давать те или иные ответы, необходимо понимать, с кем ты разговариваешь. Что можно подумать об отце (матери), который задаёт педагогу вопрос: «Хорошим ли человеком растёт мой ребёнок?» Кто он — этот родитель? Капитан дальнего плавания, который несколько лет не был дома? Освободившийся из мест заключения? Или труженик, любящий детей, семью?

Четвёртая рекомендация — личный пример учителей, руководителей школ. Это очень мощный фактор, который даже скептикам, глухим к таким ценностям, как благородство, милосердие, нравственный героизм, покажет, что такое совесть в её высоком понимании.

Учитель 109-й столичной школы Татьяна Анатольевна Жигулова решила удочерить девочку-сироту.

У неё были все возможности выбрать ребёнка красивого, умного, здорового (Москва всё-таки, директор школы, где она работает, — влиятельный и уважаемый человек, заслуженный учитель РФ, доктор наук, академик, общественный деятель, известный культуролог Е.А. Ямбург). Однако она понимала, что здоровых, умных, симпатичных детей и так разберут (очередь ведь немаленькая, и все хотят только тех, каких называл). Не знаем наверняка, является ли Татьяна Анатольевна верующим человеком или атеистом, но она совершила глубоко христианский совестливый поступок:

взяла из интерната для умственно отсталых детей девочку — с глубокой олигофренией в стадии идиотии, синдромом Маугли и ещё целым букетом болезней, включая ВИЧ-инфицированный гепатит С, девочку, которая не умела даже говорить, не умела есть ложкой и вилок (она ничего не умела из того, что могут дети её возраста), и за счёт любви, неистребимого терпения и лечения вырастила из этого существа человека, который хорошо говорит, поёт, пишет, читает, чувствует, живёт полной жизнью. На международном детском кинофестивале «Кинотаврик» Ася Жигулова заняла первое место в номинации «Моноспектакль» и получила диплом «Будущее зависит от тебя» — единственная из 350 детей, участвовавших в конкурсе. Вы можете сами убедиться в этом, войдя в Интернет, набрав в любом поисковике фильм «Асенька» и посмотрев его.

Итак, возможно, неполно, но мы как-то ответили на вопрос «Что делать?». Но некоторым рецензентам приведённых примеров и рекомендаций показалось недостаточным, и они стали предлагать вернуться к выпускным характеристикам и другим формам из прошлого. На это ответчу: «Давайте совершим первый шаг: вернём в школу воспитание с его составляющей — совестью. А там, может, и бумажная характеристика не понадобится».

И знания, и совесть

Когда статья была уже закончена, я получил письмо от директора Кириковской школы Пировского района Красноярского края О.В. Ивченко. Он столкнулся с двумя фак-

торами. С одной стороны, воинствующая, непробиваемая тупость чиновников, свидетельствующая об отсутствии интеллекта, эрудиции, хорошего образования (они проявили вопиющую управленческую и общеобразовательную безграмотность).

С другой стороны, они совершенно не понимали, в чём бессовестность их требований, как и сути самой совести как сложного многоаспектного явления.

И он призвал меня не противопоставлять качественное обучение (образование) и всестороннее воспитание, где совесть — основополагающая ценность и черта зрелой личности. Так что вопрос: «Что в школьной педагогике первично: предметные знания или духовно-нравственное развитие ребёнка?» — некорректен, безграмотен, непрофессионален.

Конечно же, он прав.

А если совесть молчит?

Школьники нередко спрашивали: «Не знаю, как поступить: с одной стороны, ..., с другой...». Обычно учителя отвечали: «Когда не знаешь как, поступай по совести». И тут нередко возникал вопрос: «А если совесть молчит?».

Это, конечно, словесное лукавство, ибо совесть никогда не молчит и человек всегда знает, что по совести, а что против совести. Другое дело, что некоторые стараются подавить совесть в себе или вообще пренебречь ею. **НО**

Conscience Does Not Have A Certificate

Mark M. Potashnik, Professor, full member (academician) Russian Education Academy, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract: *Non-measurable effects of education. Conscience as a result of education. A question that parents never ask teachers. Mass manifestations of lack of conscience in society. Dehumanization and education.*

Keywords: *person, education, conscience.*